

один изобретатель-одиночка, живший в столь примитивные времена, может предложить миру, который купается в океане информации через глобальную сеть, миру, в считанные секунды через телефон и факс обменивающемуся информацией с континентами, в его времена еще не открытыми?

Есть два ответа на этот вопрос. Первый: Леонардо не был, воспользуемся парадоксом, заурядным гением. Большинство образованных людей знает, что он сконструировал летательный аппарат и примитивный танк, но вместе с тем некоторые его изобретения были столь несвойственны времени, в котором он жил, что люди с эксцентричным складом ума могут вообразить, будто ему было дано провидеть будущее. Его конструкция велосипеда, например, стала известна только в конце шестидесятых годов двадцатого века¹. В отличие от мучительной эволюции методом проб и ошибок, которую претерпел викторианский велосипед, *пожиратель дорог Леонардо да Винчи имеет уже в первой редакции два колеса и ценную передачу*. Но еще более поражает не конструкция механизма, но вопрос о причинах, которые побудили изобретать велосипед. Человек всегда хотел летать как птица, но мечта о балансировании на двух колесах и нажимании на педали, принимая к тому же во внимание плачевное состояние дорог, уже отдает мистикой. (Вспомним, кстати, что в отличие от мечты о полетах она не фигурирует ни в одном классическом сюжете.) Среди многих других высказываний о будущем Леонардо предсказал также и появление телефона.

Будь Леонардо даже еще большим гением, чем говорят о том исторические книги, все равно остается без ответа вопрос: какими возможными знаниями он мог обладать, если им предложенное обрело смысл или получило широкое распространение только через пять веков после его времени. Можно, конечно, выдвинуть аргумент, что учение проповедника первого века, казалось бы, должно иметь еще меньшее отношение к нашему времени, но остается непреложным факт: некоторые идеи универсальны и вечны, истина, найденная или сформулированная, по прошествии веков не перестает быть истиной.

Но к Леонардо нас поначалу привлекли не его философия, явная или скрытая, и не его искусство. Мы занялись широким исследованием всего, связанного с Леонардо, из-за его наиболее парадоксального творения, слава которого непостижимо велика, а знаний практически нет. Как было подробно изложено в нашей последней книге², мы обнаружили, что он был тем мастером, который *сфабриковал* Туринскую Плащаницу, реликвию, на которой чудом сохранился лик Христа во время его смерти. В 1988 году радиоизотопным методом было доказано всем, кроме горстки фанатично верующих, что этот предмет является артефактом времен позднего Средневековья или раннего Возрождения. Для нас же Плащаница осталась поистине замечательным произведением искусства. Жгучий интерес вызывал вопрос, кто же этот мистификатор, поскольку создать эту поразительную реликвию мог только гений.

Все — и те, кто верит в подлинность Плащаницы, и те, кто с этим не согласен, — признают, что она обладает всеми особенностями, присущими фотографии. Для реликвии характерен любопытный «эффект негатива», что означает: изображение для невооруженного глаза выглядит как туманный ожог материала, но просматривается совершенно четко во всех деталях на фотографическом негативе. Поскольку такие особенности не могут быть результатом какой-либо известной техники живописи или другого способа нанесения изображения, приверженцы подлинности реликвии (те, кто верит, что это действительно Плащаница Иисуса) считают их доказательством чудотворного характера образа. Однако мы установили, что Туринская Плащаница проявляет свойства, присущие фотографии, потому, что *она фотографическим отпечатком и является*.

Каким бы невероятным этот факт ни казался на первый взгляд, но Туринская Плащаница есть фотография. Авторы этой книги вместе с Кейт Принс воссоздали то, что, по